

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. С. ГЕРД

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И УНИФИКАЦИИ
НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Литература по научной терминологии насчитывает большое число статей, заметок, различных выступлений по вопросам упорядочения, унификации и создания новых терминов в той или иной области знаний, в том или ином языке. Обычно в большинстве таких работ эти вопросы ставятся только в одном плане — в плане источников, наличествующих в данном современном языке для образования новых терминов. Указывается, что в качестве терминов могут быть использованы существующие слова родного языка, заимствования, при образовании таких-то терминов лучше использовать такие-то аффиксы, издаются списки морфем, элементов, при помощи которых удобнее всего создавать новые термины¹. В таких исследованиях и рекомендациях, как правило, отсутствует постановка вопроса о закономерности и оправданности использования тех или иных типов слов, морфем в данной научной терминологии, о соответствии их основным тенденциям исторического развития терминологии данного языка.

Этот вопрос особо остро стоит при решении проблем упорядочения и унификации терминологий, имеющих длительную традицию своего развития (физика, география, геология, биология, химия), обладающих развитой синонимией, большим числом сложных понятий². Он важен и для научно-терминологических систем молодых отраслей знаний. В последнее время актуальность этого вопроса возрастает в связи с расширением теоретической и практической работы по созданию информационно-поисковых языков для отдельных наук, успех которой, в конечном счете, зависит от детально подготовленных максимально полных и точных как в плане выражения, так и в плане содержания различных терминологических словарей для каждой отрасли знаний.

Некоторая изолированность и автономность различных исследований и мероприятий в области научной терминологии объясняется отсутствием самых общих принципов описания научно-терминологических систем в целом (ср. наличие таких принципов в фонологии, морфологии, словообразовании)³. Несмотря на все конкретное многообразие различных научно-терминологических систем, на пестроту потенциально почти бесконечного множества отдельных терминов разных отраслей знаний, пред-

¹ См. «Структурное и прикладное языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г.» М., 1965. См. также: Н. В. Юшманов, «Элементы международной терминологии», М., 1968.

² См.: Л. Л. Кутина, «Формирование языка русской науки», М.—Л., 1964; се же, «Формирование терминологии физики в России», М.—Л., 1966.

³ Об отсутствии таких принципов в синхронической лексикологии в целом см.: Д. Н. Шмелев, «Проблемы семантического анализа лексики», М., 1969.

ставляется вполне возможной постановка вопроса о выработке некоторых общих принципов, которые могли бы быть использованы как при описании различных терминологических систем, так и при выработке практических рекомендаций по их упорядочению и унификации⁴.

Думается, что решение этих проблем следует начинать с выяснения основных тенденций исторического развития терминологии данного типа. Изучение зарождения и эволюции той или иной терминологии вплоть до современности вскроет основные тенденции и закономерности развития, характерные для данной научно-терминологической системы как в плане выражения, так и в плане содержания. Знание этих тенденций и закономерностей в свою очередь гарантирует исследователя от ошибок и промахов при решении практических вопросов создания новых терминов, упорядочения современной терминологии. Зарождение, развитие и становление терминологической системы может быть проанализировано лишь на основе комплексного изучения памятников древней письменности, народных говоров, специальной литературы разных времен.

Покажем это на примере современной русской ихтиологической терминологии. Истоки названий рыб относятся к доисторической эпохе индоевропейского и праславянского языкового и этнического единства.

Историю развития русской ихтиологической терминологии условно можно разделить на следующие четыре периода: 1) от индоевропейского и праславянского периода до XIV—XV вв. — названия рыб существуют в основном только в устной форме; 2) с XIII—XV вв. до начала XVIII в. — названия рыб проникают в памятники письменности, происходит постепенное становление единых норм в их употреблении; 3) с начала XVIII в. до 50-х годов XIX в. — начинается становление русской книжной ихтиологической терминологии на основе местных народных названий рыб в специальных трудах русских путешественников-естествоиспытателей и ученых XVIII — начала XIX в. (И. Георги, С. Г. Гмелин, И. Лепехин, П. С. Паллас, В. Ф. Зуев, Н. Я. Озерецковский); 4) с 50—60-х годов XIX в. и до наших дней — происходит постепенная унификация книжных названий рыб в специальной литературе (К. Ф. Кесслер, Н. А. Варпаховский, А. М. Никольский, Л. С. Берг, В. К. Солдатов, Г. У. Линдберг, А. Я. Таранец, Г. В. Никольский, А. Н. Световидов, А. П. Андрияшев и др.).

В древнерусской письменности названия рыб, представляющие собой один из активных пластов обиходно-разговорной лексики, встречаются в первую очередь в деловых документах, различных приходно-расходных, таможенных, писцовых книгах, деловых записях отдельных монастырей, а также в таких, например, памятниках, как «Роспись царским кушаньям» или «Книга расходная патриаршего приказа»⁵. В памятниках иных жанров названия рыб редки и случайны, обычно они встречаются в образных сравнениях, в метафорах (ср., например, использование слова *осетр* в «Слове» Даниила Заточника). Значительные материалы по русским названиям рыб содержатся также в записях русской речи, сделанных иностранцами в XVI—XVII вв., и в некоторых лексикографических трудах средневековья («Речь тонкословия греческого»). Из источников XVIII — начала XIX в. интересны прежде всего различные путешествия. Жанр путешествий, получивший большое распространение в русской художественной и научной литературе XVIII в., предоставлял их авторам

⁴ Отметим полную неразработанность теоретических вопросов создания терминологических словарей разного типа. См. об этом подробнее: А. С. Герд, Г. У. Линдберг, Словарь названий пресноводных рыб СССР, 1970, Предисловие (в печати).

⁵ См.: А. С. Герд, Проблемы формирования научной терминологии (на материале русских научных названий рыб). Докт. диссерт., Л., 1968.

широкие возможности для регистрации мельчайших подробностей всего увиденного. В XVIII в. специальные русские работы по систематике рыб насчитываются еще единицами (известный труд К. Линнея «Система природы», оказавшийся поворотным в истории формирования естественных наук, был опубликован на латинском языке впервые только в 1735 г.).

Первые специальные русские работы по естествознанию, в которых содержится систематическое описание животных и рыб, появляются только в 80—90-е годы XVIII в. (Н. Я. Озерецковский, В. Ф. Зуев, Ф. Блуменбах). Однако их появление не было бы возможно, если бы в различных путешествиях в описаниях русских естествоиспытателей первой половины XVIII в. не был бы накоплен весьма значительный материал по русским названиям рыб. Так, немало названий рыб находим в «Путешествиях» С. Г. Гмелина, И. И. Лепехина, П. С. Палласа, В. Ф. Зуева, Н. Я. Озерецковского, П. Соймонова, В. Невзорова.

Специальные работы по систематике рыб, зверей и птиц (упомянем еще труды П. С. Палласа, А. Ловецкого, И. Двигубского, А. А. Теряева, А. Черная) с конца XVIII в. играют все большую роль в формировании русской ихтиологической терминологии. С появлением в 50—70-е годы XIX в. специальных работ К. Ф. Кесслера и Н. А. Варпаховского русские названия рыб уже прочно проникают на страницы ихтиологической литературы и учебников по зоологии (А. Никольский, В. В. Григорьев, К. Сент-Илер). В конце XIX — начале XX в. выходит в свет уже большое количество различных исследований по фауне России и ее отдельных районов⁶.

Формирование системы современной научной терминологии может быть достаточно полно раскрыто только путем выяснения закономерностей ее функционирования в течение ряда отдельно взятых предшествующих хронологических периодов.

Рассмотрим в качестве примера формирование современной системы русских названий лососевых рыб (Salmonidae). В современной ихтиологической терминологии к названиям лососевых рыб относятся следующие основные наименования: *лосось*, *семга*, *тинда*, *таймень*, *палья*, *форель*, *боджак*, *бахтак*, *гегаркуни*, *микижа*, *кета*, *белорыбца*, *нельма*, *сиг*, *ряпушка*, *тугун*, *омуль*, *пелядь*, *сырок*, *чир*, *ныжъян*, *муксун* и близкие к ним *хариус* (хариусовые), *корюшка*, *снеток* (корюшковые).

Слово *лосось* отмечается с XI в.; названия *белая рыбаца*, *кумжа*, *лудога*, *палья*, *репука*, *ряпус*, *ряпушка*, *сиг*, *снет*, *снеток*, *таймень*, *тинда*, *торпа* — с XVI в.; слова *корюка*, *муксун*, *омуль*, *пелядь*, *ряпуга*, *ряпуша*, *ряпушка*, *хариус*, *чир* — с XVII в. Обладая обобщенным значением «рыба», отмеченные слова выступали в древнерусском языке в следующих контекстуальных употреблениях: 1) промысловая рыба; 2) налог, подати, взимаемые с ловли рыб; 3) предмет торговли, обмена; 4) кушанье, приготовленное из этой рыбы.

Слово *лосось* является индоевропейским по происхождению; слова *лох*, *семга*, *кумжа*, *таймень*, *торпа*, *палья*, *сиг*, *лудога*, *репука*, *ряпука*, *ряпус*, *рипус*, *ряпуша*, *хариус*, *корюша*, *корез* проникли в древнерусские говоры из соседних прибалтийско-финских диалектов; слово *тинда* проникло в говоры северных окраин древнего Новгорода из саамского языка. Словосочетание *белая рыбаца* возникает в XV—XVII вв. на основе более старого словосочетания *белая рыбаца*. Слово *нельма* исторически проникло, по-видимому, в русские говоры в нижнем течении Енисея из якутских долганских диалектов; слово *кета* — из эвенского или чукотского языка.

⁶ Аналогично формировались и другие старые терминологические системы, исторически тесно связанные с естественным, народно-разговорным языком (орнитология, териология, ботаника и, как показала Л. Л. Кутина, — физическая география).

Слова *ряпуша*, *ряпуга*, *ряпушка* образованы путем прибавления суффиксов *-ушка*, *-уга*, *-ка* к заимствованной производящей основе. Слово *омуль* заимствовано в говоры Восточной Сибири из якутского языка. Слова *пелядь* и *чир* проникли в русские говоры по р. Печоре из соседних коми-зырянских диалектов. Слово *муksун* попало в русские говоры по р. Оби из соседних ханты-мансийских диалектов. Слова *снет*, *снеток* заимствованы первоначально в русские псковские говоры из соседних балтийских языков (латышского).

В источниках середины XVIII — первой половины XIX в. не только широко представлены такие слова, как *лосось*, *семга*, *кумжа*, *таймень*, *белая рыбаца*, *нельма*, *сиг*, *лудога*, *ряпуха*, *ряпушка*, *омуль*, *пелядь*, *чир*, *муksун*, *зариус*, *корех*, *корюха*, *корюшка*, *снеток*, *палья*, *торпа*, известные ранее по памятникам древнерусской письменности, но также и новые названия, как *пыжьян*, *сырок*, *форель*, *форелы*, *крошица*, *пеструшка*, *трутта*, *красуля*, *кижуч*, *голец*, *корегоны*, *краснобрюх*, *ленок*, *липень*, *мальма*, *горбуша*, *микиз*, *нерка*, *тугун*, *чавыча*, *шокур*.

Слова *пыжьян*, *сырок*, *тугун*, *шокур* исторически проникли в русские говоры по р. Оби из соседних ханты-мансийских диалектов; слово *форель* заимствовано из немецкого языка; слово *крошица* — морфологического новообразование русских говоров, по-видимому, по модели *V + ица*⁷; слово *пеструшка* образовано от слова *пеструха* (вид рыбы) по модели *N + ка*. Слово *трутта* заимствовано из латинской научной терминологии. Слово *красуля* образовано по модели *A + уля*; *голец* — по модели *A + ец*; *ленок* — по модели *N + ок*; слова *мальма* и *нерка* проникли в русские говоры Восточной Сибири и Дальнего Востока либо из эвенкийского, либо из эвенского языка; *микиз*, *кижуч*, *чавыча* — из ительменского; слово *краснобрюх* — искусственное книжное образование на базе словосочетания «рыба с красным брюхом»; слово *горбуша* — специфически русское новообразование по модели *N + уша*; слово *корегоны* представляет собой попытку приспособления к русскому языку латинского терминологического *Coregonus*; слово *липень* — образование, генетически общее для группы тех славянских диалектов, которые легли позднее в основу белорусского, польского, чешского и сербскохорватского языков.

В XVIII — первой половине XIX в. молодая терминологическая группа «Лососи — *Salmo*» складывается еще почти исключительно на основе местных народных названий.

Во второй половине XIX в. — начале XX в. единая ранее группа «Лососи — *Salmo*» распадается на ряд групп. В связи с этим из состава группы «Лососи — *Salmo*» выходят многие латинские определения и соответствующие русские названия. Напротив, в связи с выделением новых видов и подвидов рода *Salmo* группа пополняется такими новыми семантическими определениями, как *S. ischchan*, *S. ischchan var gegarkuni*, *S. ischchan var danilewskii*, *S. lacustris var romanovi*, *S. caspius*, *S. erythrinus*⁸, и такими новыми названиями, как *благородный лосось*, *обыкновенный лосось*, *дунайский лосось*, *сибирская таймень*, *красуля*, *лосось-таймень*, *европейская таймень*, *кумжа*, *ляхсфорель*, *лосось-пеструшка*, *трошница*, *лосось-нериус*, *лосось-палья*, *нериус*, *боджак*, *ишхан*, *усач*, *беглу*, *бахтак*, *кирюша*, *гегаркун*, *табисцхурская форель*, *каспийский лосось*, *туркестанский лосось*, *байкальский лосось*, *даватчан*.

Слово *нериус* исторически заимствовано в русские говоры из прибалтийско-финских диалектов; слова *боджак*, *ишхан*, *беглу*, *бахтак*, *гегаркун*

⁷ Здесь и далее *N* — производящая основа существительного, *V* — глагола, *A* — прилагательного.

⁸ Здесь и далее родовое определение обозначается инициальной буквой.

проникли в русские говоры на оз. Севан из соседних армянских диалектов; *даватчан* попало в русские говоры Прибайкалья из соседних эвенкийских диалектов; слово *ляхсфорель* — книжное заимствование из немецкого языка. Составные наименования *лосось-таймень*, *лосось-пеструшка*, *лосось-нериус*, *лосось-палья* образованы по модели $N + N$. Значительным изменениям в XIX в. подвергаются почти все синонимические ряды. Основной тенденцией в развитии отдельных синонимических рядов становится тенденция к увеличению числа синонимов, к устранению «местных» наименований, к замене старых названий новыми, более точными.

На рубеже XIX—XX вв. происходит выделение самостоятельной лексико-семантической группы «Тихоокеанские лососи — *Oncorhynchus*». На смену определениям XVIII в. приходят новые: *O. kisutsch*, *O. gorbuscha*, *O. keta*, *O. tschawytscha*, *O. nerka*. Наблюдается тенденция к увеличению числа членов синонимических рядов. В 10—30-е годы XX в. появляются такие новые определения и наименования, как *O. keta isp. autumnalis*, *O. nerka isp. asabatch.*, *O. nerka m. formosanus*; тихоокеанские лососи, летняя *keta* (модель AN), серебрянка, зубатка, овец, азабач, сима, жилия сима.

Слова *серебрянка* и *зубатка*, вошедшие в состав группы в 10—30-е годы XX в., — местные (амурские) диалектные образования, проникшие в научную терминологию, как и во многих других случаях, прямо из народных говоров через записи естествоиспытателей (И. Георги, Л. С. Берг). Слово *сима* попало в научную литературу либо из русских диалектов Сахалина, либо непосредственно из ороцкого языка; слово *овеч* — либо из русских говоров Восточной Сибири, либо непосредственно из эвенкийского языка. Слово *азабач* проникло в научную литературу из русских говоров Камчатки.

В конце XIX — начале XX в. из группы «Лососи — *Salmo*» выделяется группа «Гольцы — *Salvelinus*». В 10—30-е годы происходит пополнение группы «Гольцы — *Salvelinus*» такими новыми названиями, как *голец*, *даватчан*, *красная рыба*, *палья*, *палия*, *нериус*, *кряжесвая палья*, *ямная палья*, *есейская палья*, *голец Черского*, *боганидская палья*, *якутский голец*, *типичная проходная мальма*, *речная мальма*, *жилая мальма*, *южная проходная мальма*, *мальма Кузнецова*, *нейва*. Книжные словосочетания *черноморская палья*, *есейская палья*, *боганидская палья*, *якутский голец*, *речная мальма*, *жилая мальма* образованы по модели AN ; словосочетание *типичная проходная мальма* — по модели $AA'N$; наименования *голец Черского*, *мальма Кузнецова* — по модели $N + N_{\text{род}}$. В 40—60-е годы XX в. в состав группы проникли определения *S. drjagini*, *S. andriaschevi* и ряд новообразований — таких, как *голец Дрягина*, *чукотский голец*, *обыкновенный голец*, *серая палья*, *тихоокеанский голец*, *южная мальма*, *американская палья* (модели $N + N_{\text{род}}$, AN). Возрастает тенденция к пополнению синонимических рядов.

Во второй половине XIX в. происходит оформление самостоятельной группы «Таймени — *Hucho*». В 10—30-е годы появляются новые определения — *H. hucho*, *H. perryi*, *H. ishikawai*; названия — *дунайский лосось*, *чевица*, *гой*, *сахалинский таймень*, *корейский таймень*, *дальневосточная чевица*. Слово *гой* проникло в научную терминологию либо из русских говоров Сахалина, либо непосредственно из нивхского языка. Книжные словосочетания *сахалинский таймень*, *корейский таймень*, *дальневосточная чевица* образованы по модели AN . В 40—60-е годы значительных изменений в составе группы «Таймени — *Hucho*» не происходит.

В конце XIX — начале XX в. из группы «Лососи — *Salmo*» выделяется также группа «Ленки — *Brachymystax*». С начала XX в. и до наших

дней эта группа включает в свой состав только одно семантическое определение *Brachymystax lenok* и соответствующие русские названия *ленок*, *ускуч*. В конце XIX в. выделяется группа «Белорыбицы — *Stenodus*», включающая два основных названия — *белорыбица* и *нельма*.

Во второй половине XIX — начале XX в. происходит выделение и оформление самостоятельной терминологической группы «Сиги — *Coregonus*». Молодая группа сразу же пополняется большим числом новообразований (*сиг-белорыбица*, *сиг-ряпушка*, *сиг-лудога*, *сиголовный сиг*, *волховский сиг*, *сиг-валаамка*, *зобатый сиг*, *зобастый сиг*, *валаамка*, *протодной сиг*, *морской сиг*, *невский сиг*, *сунской сиг*, *сиг-килец*, *сиг-песочник*, *сиг-сельдь*, *морская сельдь*, *сельдьятка*, *тугунок*, *сосвинская сельдь*, *полкур*, *чолмужский сиг*, *печорский омуль*, *печорская сельдь*, *телецкая сельдь*, *сибирский омуль*, *хадави*). Большинство новообразований возникает либо по модели *AN*, либо по модели *N + N*; часть названий этой группы проникает из диалектной речи (*валаамка*, *сельдьятка*, *тугунок*, *сосвинская сельдь*, *полкур*, *хадави*).

В 10—30-е и в 40—60-е годы XX в. в связи с широким описанием новых видов и подвидов сиговых происходит резкое расширение как реестра латинских определений, так и числа лексических новообразований. Большое число книжных по возникновению терминологических словосочетаний (свыше 200) образовано по модели *AN* и *AA'N* на базе опорных слов *сиг* и *ряпушка*. В отдельных случаях система русских научных названий сиговых рыб и в этот период продолжает пополняться за счет местных диалектных наименований. Слово *сельява* исторически представляет собой локально-праславянское (северославянское) образование по модели *N + ava*. Слово *кондевка* — местное русское морфологическое новообразование от заимствованной из якутского производящей основы. Слово *вимба* в язык научной литературы попало, по-видимому, прямо из шведского языка; слова *мустасиика* и *килоне* — непосредственно из карельского языка; слово *хеню* — из эвенкийского. В 40—60-е годы возрастает число многочленных книжных терминологических словосочетаний.

Во второй половине XIX в. выделяется также группа «Хариусы — *Thymallus*». В этот период в ее состав проникает ряд новых латинских определений и новых наименований (*обыкновенный хариус*, *байкальский хариус*, *алтайский хариус*, *восточный хариус*). В 10—30-е годы XX в. появляются новые определения: *T. brevirostris*, *T. arcticus*, *T. arcticus baicalensis m. angarensis*, *T. arcticus baicalensis isubsp. brevipinnis*, *T. arcticus grubei n. mertensi*, *T. nigrescens*. В эти же годы группа пополняется новыми наименованиями: *европейский хариус*, *монгольский хариус*, *сибирский хариус*, *западносибирский хариус*, *черный байкальский хариус*, *белый байкальский хариус*, *ангарский хариус*, *восточносибирский хариус*, *колымский хариус*, *амурский хариус*, *камчатский хариус*, *косоогольский хариус*. Все словосочетания образованы по модели *AN* или *AA'N*.

Самостоятельная группа «Корюшки — *Osmerus*» также выделяется во второй половине XIX в. Появляются новые наименования: *обыкновенная корюшка*, *восточная корюшка*, *корюшка-снеток*. В 10—30-е годы XX в. в группу «Корюшки — *Osmerus*» входят такие названия, как *морская корюшка*, *ладожская корюшка*, *онежская корюшка*, *зубастая корюшка*, *северная корюшка*, *беломорская корюшка*, *тихоокеанская корюшка*. В 40—60-е годы почти никаких изменений в группах «Хариусы — *Thymallus*», «Корюшки — *Osmerus*» не происходит.

Естественно, что при подобном анализе должны использоваться как основные понятия и методы общей лексикологии, так и сведения о принципах и приемах современного словообразования. Изучение эволюции

той или иной терминологии целесообразно, по-видимому, строить прежде всего не в плане истории отдельных слов, а в плане истории смены отдельных терминологических микросистем. При описании изменений, происходящих в терминологической системе с начала XX в., исследование приближается к работам собственно синхронического плана.

В результате подобный анализ позволяет выявить основные тенденции и закономерности развития данной терминологической системы. Так, например, оказывается, что в сфере ихтиологической терминологии, начиная с XVIII в., одной из основных тенденций в развитии системы русских научных названий рыб у различных авторов становится тенденция к уточнению уже имевшейся системы наименований, приводящая в лингвистическом плане ко все возрастающей взаимной конкуренции синонимов-дублетов в пределах одного синонимического ряда, к резкому росту числа членов отдельных синонимических рядов. Конкуренция внутри синонимического ряда приводит, как правило, к вытеснению слов устарелых, недостаточно четко и полно определяющих понятие, и к упрощению наименований, наиболее полно передающих с точки зрения данного состояния науки основные черты и особенности обозначаемого вида. Новые термины, если это не заимствования, как правило, обладают более сложной морфемной и синтаксической структурой, чем старые, что связано со стремлением передать максимум возможных особенностей понятия (ср. рост двучленных и трехчленных словосочетаний и сложных слов в системе русских названий сельдевых и лососевых рыб, начиная с 10—30-х годов XX в.).

В то же время с самого начала своего развития (XVIII в.) система русских научных названий рыб не обнаруживает тенденции к полисемии и омонимии, что обусловлено требованиями точности и однозначности терминологической лексики, не допускающей многозначности и омонимии.

Одной из самых существенных тенденций в развитии русских научных названий рыб является постоянно и активно действующая тенденция к фразеологизации свободных словосочетаний, состоящих из прилагательных, характеризующих какой-либо вид по его внешним признакам, месту обитания, и существительных — собственно названий рыбы (ср. *онезская палья*). Многие из таких устойчивых словосочетаний первоначально в тексте отдельных авторов употреблялись как свободные словосочетания. Позднее, будучи неоднократно интерпретированы в ряде работ как основные научные названия, они постепенно закрепились в данной их форме, переходя из одной специальной работы в другую (*сибирский осетр*, *амурский осетр*, *каспийская сельдь*, *керченская сельдь*).

Одной из основных тенденций в развитии современной системы русских научных названий рыб является проникновение в специальную литературу народных диалектных названий для местных и сезонных форм. Здесь следует иметь в виду, что количество местных (реже сезонных) форм у одного и того же вида весьма велико, и система латинских обозначений не дает возможности их исчерпывающего различения, что и приводит к вовлечению в сферу специальной терминологии местных названий.

Детальное изучение семантики, структуры слова и словообразования современных терминологических систем (характер и типы терминологических значений, реестр основ, корней, аффиксов, типология структуры слова), подкрепленное данными об их историческом развитии, способствует решению проблем упорядочения и унификации терминологии данной области науки.

В практике научно-терминологической работы при определении того или иного русского названия как основного, терминологического, кото-

рое впоследствии и должно войти уже в специальную литературу и в теорию и практику научного перевода с одного языка на другой, следует учитывать, имеет ли название давнюю традицию употребления, или не имеет, или создается вновь. Следует иметь в виду также такие основные моменты: 1) всю совокупность ихтиологических данных об этом виде; 2) предшествующую традицию употребления русских названий для данного вида; 3) данные текстов наиболее авторитетных источников; 4) народные диалектные названия этого вида и различных его сезонных и местных форм; 5) некоторые факты, связанные с историей слова, 6) необходимость одного основного русского наименования для каждого вида (во избежание синонимии); 7) данное русское название не должно употребляться в качестве основного для обозначения других видов (во избежание омонимии).

В качестве основных путей пополнения системы русских научных названий рыб, которые могут быть использованы в практике упорядочения и унификации современной терминологии, назовем: а) использование в качестве основного научного названия слова, ранее уже известного либо в общенародном языке, либо в одном из его диалектов; это широко распространенный путь пополнения системы терминов новыми наименованиями. Диалектные названия проникают в научную терминологию обычно через полевые записи исследователей (*пузанок, лох, тинда, торпа, лудога, рипус, муксун, пыжьян, сырок*); б) перевод, калькирование слова. В этом случае слово создается искусственно (переводится) с учетом ассоциаций и морфологических особенностей слова в языке-источнике. Этот путь пополнения научной терминологии еще недостаточно используется в прикладной терминологии (ср. *обыкновенный осетр, *Acipenser vulgaris* — XVIII в.*); в) заимствование слова, которое происходит в том случае, когда не представляется возможным использовать для наименования слово родного языка; тогда либо применяется латинское обозначение, либо заимствуется народное иноязычное название, которое выступает в тексте в соответствующем русском написании (ср. *пильхард, финта, шед, алоза, ляхсборель*); г) искусственное создание новых терминов на базе слов родного языка или заимствований путем прибавления к производящей основе слова тех или иных аффиксов (морфологическое словообразование) или же путем изменения значения слов, уже известных в языке, путем переноса наименования (лексико-семантическое словообразование). Наиболее продуктивны суффиксальный способ (ср. *аграханка, атеринка*) и сложение основ или самостоятельных слов, которое часто выступает наряду с суффиксацией (ср. *белоголовка, черноголовка, черноносик*)⁹. При лексико-семантическом способе новый термин создается путем сознательного изменения значения слова (ср. *конь, монах, скomorox*). Новым названием может стать сочетание одного, двух и более прилагательных и существительного. При наименовании рыбы прилагательное указывает на какие-либо характерные особенности этой рыбы (внешний вид, цвет, форма тела и его частей, образ жизни, место обитания, время появления или нереста в тех или иных водоемах), а существительное обозначает самое рыбу (ср.: *керченская сельдь, ладожский сиг, морская долгинская сельдь*). По модели *АН* или *АА'N* образовано абсолютное большинство книжных терминологических словосочетаний, обозначающих рыб. Большая часть таких наименований возникла искусственно под пером отдельных авторов.

⁹ О типичных частных словообразовательных моделях, о реестре аффиксов для русских названий рыб см.: А. С. Герд, О специфике словообразовательного анализа в рамках одной лексической группы, «Очерки по словообразованию и словоупотреблению», Л., 1965.

С точки зрения практической работы по упорядочению и унификации научной терминологии оказывается существенным, наряду с анализом словообразовательной системы, характерной для той или иной области терминологии, также выяснение конкретных путей пополнения этой области новыми наименованиями. Подобные исследования позволяют разработать общие принципы описания материала¹⁰. Нельзя не видеть и такую перспективу научно-терминологической работы, как создание информационно-поисковых языков для отдельных наук, предполагающее максимальную полноту и тщательность описаний каждого термина в исследованиях и словарях.

Итак, выявление основных тенденций и закономерностей в историческом развитии отдельных терминологий, анализ специальных текстов разных хронологических периодов, тщательное описание современной терминологии в различных исследованиях и сводных словарях и затем — выяснение основных факторов, путей, источников и конкретных ресурсов дальнейшего упорядочения и унификации терминологических систем, создание нормативных словарей и справочников — таковы основные задачи работы в области терминологии.

---

¹⁰ Подробнее см.: А. С. Герд, Об упорядочении и унификации русских названий рыб, «Вопросы ихтиологии», 1968, 2(49) (там же см. правила образования новых терминов в сфере названий рыб).